

Романтическое интермеццо

Культура. — 1997. — 30 дек. — с. 13

“ДЕКАБРЬСКИЕ ВЕЧЕРА”

Татьяна ГАЛЬПЕРОВИЧ

Так назвали организаторы “Декабрьских вечеров” свой семнадцатый фестиваль музыкальной программы, в центре которой три имени — Шуберт, Брамс и Мендельсон. Элегически-романтический, возвышенный тон “к лицу” нынешнему фестивалю, посвященному памяти основателя и постоянного участника “Вечеров” — Святослава Рихтера. В Музее изобразительных искусств звучат шедевры романтиков, поразительным интерпретатором которых был и он сам. Звучат как музыкальные приношения памяти великого артиста.

Одним из главных событий нынешних “Декабрьских вечеров” стало выступление Гидона Кремера. На этот раз маэстро приехал в Москву в составе трио вместе с австрийскими музыкантами Вероникой Хаген (альт) и Клеменсом Хагеном (виолончель), участниками Хаген-квартета — известного коллектива, уже выступавшего на “Декабрьских вечерах” несколько лет назад. Собственно говоря, приглашение этих замечательных артистов было своего рода экспромтом Гидона Кремера (заранее запланированный его концерт с “шубертовской” программой по разным причинам не мог состояться), и экспромт оказался на редкость удачным. Безупречно — с точки зрения вкуса и стиля — была составлена сама программа вечера. В центре ее располагались два фортепианных трио Шуберта, написанные им в молодые годы, и по стилю своему, скорее, классицистские, нежели романтические, но в то же время наделенные тонкими и индивидуальными чертами. Окружавшие их современные сочинения находились “в ауре” шубертовского искусства, как будто подтверждая своим существованием мысль о том, что музыка Шуберта для сегодняшних композиторов приобретает особенное значение, и они вновь и вновь обращают к ней свои взоры, цитируя ее, приближаясь к ней в своих исканиях как к некоему внутреннему идеалу — возможно, потому, что в искусстве Шуберта романтизм предстает в своем первозданно чистом виде, в прекрасном и гармоничном облике. А может быть, причина также и в том, что шубертовские произведения часто содержат в себе вопрос, загадку, недосказанность — вспомним о множестве неоконченныхopusов, о множестве неизвестных страниц его музыки... Впрочем, и одно из самых известных произведений Шуберта — “Зимний путь” — завершается вопросом: “Хочешь, будем вместе горе мы терпеть? Хочешь, будем песни под шарманку петь?” — так обращается герой песенного цикла к своему “двойнику” — старому шарманщику. Леонид Десятников в своей композиции “Wie der Alte Leiermann” (“Как старый шарманщик”) для скрипки и фортепиано, написанной специально к Году Шуберта, как бы откликается на его зов, “подхватывая” и развивая шубертовскую музыкальную мысль. Впрочем, XX век вовсе не чужд современному лирическому герою — у него “на слуху” Малер и Стравинский, Барток и Шостакович, однако и шубертовская интонация воспринимается им как “своя” — не услышанная с чужого голоса, а прочувствованная и прожитая. Композитор, ограничивая себя минимумом музыкального материала — двумя фразами шубертовской песни — выстраивает форму своего сочинения естественно и непринужденно, и “чужая” интонация, заново услышанная, не просто присутствует, а в полной мере живет в его музыке. И романтизм оказывается не просто одним из стилей прошлого, а неким вневременным со-

стоянием души, которое всегда будет искать своего отражения в музыке. Трио А.Шнитке, созданное 12 лет назад, в программе концерта прозвучало в продолжение одночастного — неоконченного — Первого трио Шуберта. И оно действительно продолжает “нить” романтической традиции, как бы протягивая ее от Шуберта через Чайковского, Малера, Шостаковича прямо в современность — музыка Трио “вбирает” в себя эти стили, оставаясь при этом неповторимой и (что не менее важно) подлинной.

Безупречный ансамбль, совершенное чувство стиля, помноженное на чувство меры, эмоциональная глубина — словом, “звезды” показали поистине высочайший уровень игры, выступив во всеоружии мастерства и с полнейшей самоотдачей, несмотря на все обстоятельства. А они бывают разными. Так, в первой части Трио Шнитке у виолончелиста К.Хагена лопнула струна. Однако спустя лишь несколько минут музыканты вновь заиграли — с самого начала, чтобы не прервать напряженную нить музыкального повествования. И сыграли замечательно, доказав тем самым, что профессионалам такого класса подвластна любая ситуация. Скрипка Гидона Кремера “задавала тон” и в трио, и в дуэте с Леонидом Десятниковым. И всякий раз — по-новому, с иными оттенками, с удивительным ощущением стиля и образа. Пожалуй, среди московских концертов маэстро последних лет этот — один из самых ярких.

Если программу, привезенную Гидоном Кремером, можно было бы назвать “Вокруг Шуберта”, то вечер 21 декабря был целиком посвящен музыке Мендельсона и Брамса. Камерный оркестр “Musica viva” под управлением Александра Рудина, впервые участвующий в “Декабрьских вечерах”, представил слушателям редко исполняемые сочинения Мендельсона, показав при этом достойный профессиональный уровень. Прозвучали Шестая симфония для струнных — одно из юношеских сочинений композитора, написанное в гайдновском духе, и два виртуозных концертштюка для кларнета, виолончели и струнного оркестра, блестяще выступили солисты Юлий Милкис (Канада) и Александр Рудин. Кларнетист Юлий Милкис так же, как и другой наш соотечественник, живущий за рубежом, — пианист Валерий Афанасьев — неоднократно был гостем “Декабрьских вечеров”. Милкис — один из признанных в мире блестящих кларнетистов — поражае виртуозностью в мендельсоновских концертштюках, а в ансамбле с Валерием Афанасьевым обнаружил иные стороны своего мастерства — Анданте Мендельсона пленяло задушевностью и теплотой, как бы напоминая о находящейся по соседству уютной и безмятежной живописи бидермейера. По-иному — мощно и драматично, но в то же время интеллектуально “выверенно” — прозвучали два шедевра позднего Брамса — Первая соната для кларнета и фортепиано и ставшее кульминацией концерта Трио для кларнета, виолончели и фортепиано. Музыканты — Ю.Милкис, А.Рудин и В.Афанасьев — представили классически благородную интерпретацию этого произведения, передав его поистине симфонический размах и философскую глубину. Безусловно, роль “первого среди равных” в этом ансамбле принадлежала Валерию Афанасьеву, исполнявшему Брамса крупным штрихом, с почти оркестровой мощью, “по-земному” реально и весомо.

У “Декабрьских вечеров” своя публика и своя, особенная атмосфера, они являют собой “оазис” столь редкого в теперешней ситуации подлинного духовного аристократизма. И этот дух, который фестиваль сохранил и, будем надеяться, сохранит и в дальнейшем, — лучшее доказательство непрерывности и преемственности культурных традиций.